

Е.М. Сергеев

Взгляд сквозь годы. Воспоминания

(Продолжение¹)

Евгений Михайлович СЕРГЕЕВ (1914–1997) — крупнейший советский и российский ученый в области грунтоведения, инженерной геологии и охраны геологической среды, талантливый педагог Московского государственного университета, выдающийся организатор геологической науки, академик АН СССР и РАН, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. По инициативе Е.М. Сергеева в 1978 г. в издательстве «Наука» был открыт академический журнал «Инженерная геология» (сейчас существующий под названием «Геоэкология: инженерная геология, гидрогеология, геокриология»), главным редактором которого он являлся до 1987 г.

На страницах нашего журнала перепечатывается книга Е.М. Сергеева «Взгляд сквозь годы. Воспоминания», вышедшая в 2014 году в издательстве «ГЕОС» под редакцией В.И. Осипова (составители — О.Н. Еремина, Н.Е. Сергеева). Основой для нее послужили книги ученого «За строкой фронтового письма» (М.: Воениздат, 1985), «Московский университет: взгляд сквозь годы» (М.: Изд-во МГУ, 1992), а также его мемуары, не издававшиеся ранее. В публикации приводится правдивый рассказ о жизненном пути академика, неразрывно связанном с историей нашей страны.

Глава 23. Амурская экспедиция

В пятидесятых годах международные связи университета стали усиленно развиваться. Особенно много студентов приехали учиться к нам из Китая. Обычно я встречался с ними еще до распределения по кафедрам. Собралась очередная группа в кабинете декана геологического факультета. Большинство — девушки. Спрашиваю их, на каких кафедрах хотите обучаться. И вместо привычных общеизвестных кафедр, таких как «минералогия», «палеонтология», слышу тринадцать раз подряд: «грунтоведение», «грунтоведение», «грунтоведение»... Показываю им свой учебник «Грунтоведение», переведенный на китайский язык. Радостно кивают головами: «Да, да, грунтоведение».

Учились китайские студенты хорошо. У меня было несколько случаев, когда я собирал их в деканате, и, беседуя с ними о распорядке их рабочего дня, убеждал, что кончать заниматься надо не позднее полуночи, что надо обязательно отдыхать один-два часа перед сном, лучше во время прогулки. Они улыбались, вежливо соглашались и продолжали работать в общежитии в своих комнатах до 2–3 часов ночи. И их труд не пропал даром, несмотря на то, что на своей родине многим из них потом пришлось пережить тяжелое время.

На первой встрече в деканате высокая девушка с длинными косами заговорила по-китайски, обратившись с просьбой к переводчику помочь ей перевести на русский.

Вот что она сказала: если получим такое образование, как в этой книге написано, будет очень хорошо. У нас мало геологов и все они занимаются полезными ископаемыми. А геологи специалисты по строительству приезжали из других стран, заключали договора с фирмами или правительством, выполняли работы и уезжали, а мы даже проконтролировать их не могли. Нам надо самим научиться грунтоведению. Это была моя будущая дипломница У Сяо Линь. Сейчас она профессор Института гляциологии КНР. В 1989 г. ее муж, тоже выпускник геологического факультета МГУ, передал мне фотографию с дарственной надписью, где У Сяо Линь снята вместе со своим американским аспирантом в экспедиции на территории Канады.

Производственную практику китайские студенты и аспиранты проходили в Амурской экспедиции. Гидропроект вновь обратился к МГУ с просьбой помочь охарактеризовать в инженерно-геологическом отношении большую территорию. В этот раз речь шла о речных долинах Верхнего Амура. И КНР, и Советский Союз нуждались в источниках энергии на территории Верхнего Амура (выше устья Зеи). Строительство здесь гидроэлектростанций сравнительно небольшой мощности не только не являлось бы вредным в экологическом отношении, но, наоборот, позволило бы регулировать сток Амура и избежать катастрофических наводнений. Климат территории, примыкающей к долине Верхнего Амура, проявляет черты резкой континентальности и в то же время носит муссонный характер. Причем соотношение этих

¹ Начало — № 1–6 журнала «Инженерная геология» за 2016–2017 гг. и № 1–3 журнала «Инженерная геология» за 2018 год.

двух факторов изменяется при движении вниз по Амуру — уменьшается континентальность, а черты муссонного климата становятся более отчетливыми.

Основная часть годовых осадков (до 90–95%) в долине Верхнего Амура выпадает в летний период: из них около 50% — в июле–августе. Количество летних осадков значительно колеблется по годам. Например, для Благовещенска оно зафиксировано от 350 до 800 мм в год. В июле и августе количество осадков в дождливый год может быть больше, чем в течение всего засушливого года. В летние месяцы осадки нередко выпадают в виде ливней, что приводит к высоким и резким летне-осенним паводкам, переходящим в отдельные годы в катастрофические наводнения. Свидетелями такого катастрофического наводнения были участники Амурской экспедиции в 1958 году.

Это было страшное зрелище. О поднятии уровня воды в Аргуни, Шилке, в верховьях Амура были сообщения по радио. Местные жители, считая опасность наводнения вероятной, начинают эвакуировать скот, птицу, уносят наиболее ценные вещи в сопки.

Уровень воды поднимается быстро. На наших глазах затопило огороды и деревню, в которой мы жили. Дома все глубже и глубже погружались в воду, последними скрывались под водой трубы на крышах. Прошло некоторое время и то в одном месте, то в другом дом, оторвавшись от своего фундамента, вылетал как пробка на поверхность воды. Постоит на воде, покачается, как бы в раздумье, на одном месте и поплывет вниз по течению.

Совместное строительство плотин через Амур выгодно было тем, что давало в первую очередь возможность регулировать сток Верхнего Амура, было надежным средством борьбы с грозными стихийными процессами. И одновременно с этим решалась энергетическая проблема.

Геологический факультет МГУ подписал договор с Гидропроектом на инженерно-геологическое картирование долины Амура от устья Зеи до слияния Шилки и Аргуни и дальше по долинам этих рек на несколько сотен километров. Полоса, подлежащая съемке, по 35 километров от русла реки в обе стороны. Масштаб — 1:500 000.

В этом масштабе закартировать советскую территорию было значительно легче, чем китайскую. На советской стороне были уже выполнены работы по стратиграфии и местами проведено геологическое картирование отдельных территорий в масштабах 1:200 000 и 1:1 000 000. Значительно хуже обстояло дело с изучением китайской территории. На нее имелись крупномасштабные геологические карты, составленные на маленькие строительные площадки в разное время от начала века до наших дней, разбросанные на сотни верст друг от друга. Репером для этой территории должны были служить наши же советские карты, хорошо выверенные и увязанные между собой.

Амурская экспедиция была комплексная. В состав экспедиции входили с советской стороны: сотрудники и студенты кафедр геологического факультета: исторической геологии, петрографии, гидрогеологии, грунтоведения и инженерной геологии, мерзлотоведения и сотрудники географического факультета МГУ. С китайской стороны во всех партиях и отрядах участвовали китайские геологи как стажеры и китайские студенты, обучающиеся в Московском университете и проходящие свою производственную практику. Все рабочие были китайцы. Экспедиционное оборудование — наше, советское.

Участники экспедиции независимо от подданства имели право совершать работы в полосе 35 километров от берега Амура как на советской, так и на китайской стороне. В большинстве случаев это были расчистки обнажений и рытье шурфов с отбором образцов, бурение на подземные воды и многолетнюю мерзлоту, описание экзогенных процессов: оползней, курумов, обвалов.

Передвигались участники экспедиции на моторных лодках и пешком. Начальником Амурской экспедиции был назначен старший научный сотрудник кафедры гидрогеологии И.Г. Глухов.

Изучая инженерно-геологические особенности речных долин по нашим картам, геологи Гидропроекта намечали возможные створы плотин и сами уже проводили более детальное их изучение. Их задача была выбрать оптимальные по всем показателям створы.

В 1957 году работы проходили по Аргуни, Шилке и захватывали самую верхнюю часть Амура. Мне как декану факультета было известно, что работы на Амуре проходят нормально и поэтому я мало уделял внимания Амурской экспедиции. В это время мне больше приходилось заниматься Западно-Сибирской экспедицией, научным руководителем которой я являлся. Да и по значимости и сложности проведения работ Западно-Сибирская экспедиция не уступала Амурской. При рассмотрении итогов научной работы 1957 года в Минвузе и ректорате МГУ особых замечаний в адрес геологического факультета не было. Но меня предупредили, что отчет об Амурской экспедиции и полученные результаты за 1957 год придется докладывать лично мне как декану факультета на коллегии Министерства геологии КНР в Пекине, иначе это будет воспринято китайской стороной как недостаточное внимание к ней советского партнера.

Для меня это была не очень приятная новость, так как надо было срочно входить в детали состояния работ Амурской экспедиции и детально знакомиться с ее материалами. В то же время отказываться от руководства Западно-Сибирской экспедицией — своего детища — не хотелось. Решил попробовать совмещать и то, и другое. Работы хватало. Но зато, когда мы прилетали с И.Г. Глуховым в Пекин, я мог быть спокоен, что смогу доложить материалы первого года работы Амурской экспедиции так, как будто давно знаю этот район.

С аэродрома заехали в гостиницу «Пекин», где нам были приготовлены два хороших номера. Хозяева хотели нас покормить, но мы, узнав, что в Министерстве геологии в страшную жару нас ждут приглашенные ученые и специалисты, категорически отказались от всякой еды и настояли на начале собрания через 10 минут.

Китайские коллеги довольно четко изложили, чего они ждут от нашей совместной экспедиции, а мы доложили не только то, что хотим получить в итоге совместных работ, но и что уже передали Мингео КНР привезенные материалы. На моей памяти это был первый случай, когда мы передавали геологические материалы, характеризующие геологическое строение территории, где проходит наша государственная граница. Далее был уточнен план полевых работ 1958 года и завершения инженерно-геологического картирования всей долины Верхнего Амура в 1959 году.

Китайские товарищи обратились ко мне с просьбой прочитать в Пекине лекции о последних достижениях в области инженерной геологии и проконсультировать ин-

женерно-геологические исследования в створе плотины Санминся на реке Хуанхе. Сначала были лекции, потом поездка на Хуанхе. Доехали мы поездом до места назначения благополучно, но несколько необычно. Поездка превратилась в сплошную консультацию. К нам в купе высаживались два китайских геолога с заранее подготовленными вопросами. И начиналось: вопрос — ответ, вопрос — ответ. В очередном крупном областном городе китайские геологи горячо благодарили нас за «ценные сведения» и уходили, а на их месте появлялись два новых. И все начиналось сначала. Надо сказать, что это было утомительно.

Глубокую долину реки Хуанхе образуют хорошо выраженные террасы, сложенные лессовыми породами с вертикальными стенками. Спрашиваю у своих сопровождающих, что произойдет с этими породами, когда начнется затопление водохранилища. Смущенно переглядываются, потом отвечают:

- А нам советские товарищи ничего об этом не говорили.
- А вы их спрашивали?
- Нет.
- Жаль, дайте мне возможность им написать письмо.

И написал записку в вежливом тоне своим неизвестным коллегам. Спрашивал их, как могло случиться, что договор подписан у нас с КНР только на изыскания и строительство самой ГЭС? Кто будет вести изыскания по переработке берегов будущего водохранилища? Если оно тоже за нами, то когда же мы начнем этим заниматься? Ведь работы идут полным ходом.

Работы действительно шли полным ходом. Круглосуточная непрерывающаяся цепочка людей. К выемке и от нее, на коренной берег Хуанхе. У каждого за спиной большая плетеная корзина. Рабочий спускается в выемку. Несколько взмахов лопат и корзина полна грунта. Первые шаги делаются неуверенно, но вот он становится в общую цепочку и равномерным шагом идет наверх, где высыпает в общую кучу свою ношу и вновь возвращается за очередной корзиной грунта. Это производило впечатление живого конвейера.

Небольшое отступление. Руководство и общественность КНР объявили кампанию по уничтожению сначала четырех, потом семи зол, мешающих жить китайскому народу. Сюда попали воробьи, мыши, комары, мухи и др. Они подлежали уничтожению. Убитых привозили на специальные пункты, где их взвешивали, и данные об этом публиковались не только на китайском, но и на русском языке для советских граждан. Наверное, эта кампания себя оправдала, но не полностью — воробьев нельзя было уничтожить полностью. Мы жили в маленьком населенном пункте, состоящем из одно- и двухэтажных домиков. Санитарные условия самые примитивные, а никаких мух и других «зол» нет.

При возвращении в Пекин я обратил внимание руководителей Мингео Китая, что никто не изучает инженерно-геологические условия будущего водохранилища Санминся. Заверив меня, что этот вопрос будет решен в ближайшее время, они, в свою очередь, обратились ко мне еще с двумя просьбами: осмотреть водохранилище Гуантин (недалеко, сообщение по железной дороге, в один день можно съездить туда и обратно) и организовать повышение квалификации китайских специалистов, которые никогда не занимались инженерной геологией, а теперь, в этом году должны начинать изыскания под новые

объекты. Народу будет немного, уверяли китайские товарищи, человек 150–200(!). Что делать? На Амур надо ехать. Экспедиция должна начинать работать. С другой стороны, вежливым хозяевам, которые оказались в трудном положении, трудно отказывать, хотя понятно, что одному человеку все «дыры» залатать нельзя. Поэтому я ответил так: «Давайте распланируем наше время. Два дня нам надо для осмотра Пекина и встречи с друзьями. Один день — на поездку на водохранилище Гуантин. Три дня — на лекции перед аудиторией из ста человек. Обязательно заранее передать мне вопросы, какие их интересуют. Что смогу, сам расскажу. Остальные вопросы слушатели самостоятельно проработают по литературе, которую укажу. Занятия будут проходить по шесть часов в день. После окончания занятий на следующий день улетаем в Москву. Итого можем пробыть в Пекине еще одну неделю. Не больше. За вами билеты. Согласны?»

Водоохранилище Гуантин было сооружено в лессах. Крутые берега. Полный штиль, веточка от ветра не шевельнется, никакой ряби на поверхности нет и вдруг страшный шум и несколько десятков кубометров лесса рушится в водохранилище.

Вода пропитала нижние горизонты лессового берега, он оказался неспособным держать вышележащие горизонты и они рухнули в воду. Проехали мы на катере несколько километров в одну и в другую сторону. Китайские геологи спрашивают: «Что делать?» Я отвечаю: «Не знаю. Остается только ждать, когда образуется перед основным берегом пляж, о который будут гаситься волны. Можно еще попробовать посадить по разрушающимся берегам растения, закрепляющие пески. Но боюсь, что они не смогут закрепиться, так быстро идет размыв берегов. Приглашайте сюда срочно фитомелиораторов, может быть, они что-нибудь посоветуют». В общем водохранилище Гуантин было зрелищем поучительным, но от нас никаких полезных рекомендаций наши коллеги, к сожалению, не получили.

Два дня были в нашем распоряжении. Мы с Глуховым ездили смотреть Великую Китайскую стену, императорский парк и императорские дворцы. Честно говоря, последние большого впечатления не произвели. Красиво оформленные небольшие домики. В одном из них император спал, в другом встречался утром в определенное время со своей мамой, в третьем принимал чиновников и т.д. Побывали в известном ресторане «Пекинская утка». Любопытные кулинарные произведения, которые нам показали, никак не подходят к теме о Московском университете.

Второй свободный день я провел в семье своего друга Марка Николаевича Заславского и его жены Нины Михайловны. Они уже жили в Китае более трех лет, в специальном городке, построенном для советских специалистов. Много за этот день было всего оговорено: и о будущих советско-китайских отношениях, и о развитии нашей страны, и о развитии Китая, и об инженерно-геологических особенностях территорий КНР и СССР, и о современной подготовке кадров, и о совместной работе над крупными научными проблемами.

В конце разговора Марк Николаевич спрашивает: «Билет у тебя на самолет есть?»

— Обещали вручить завтра утром.

— Никакого билета ни утром, ни вечером не будет, и никуда ты в ближайшие дни не улетишь. Ниночка, подтверди этому наивному человеку, что он здесь нужен и поэтому слово свое они постараются не сдержать.

— Да, Женя, они могли уже связаться с Москвой, и ты получишь указание задержаться здесь еще на некоторое время.

— Да, но Амурская экспедиция...

— Да, но консультации инженерно-геологических работ по всему Китаю!

— Что же делать, Марк?

— Можно рискнуть полететь на китайском самолете. Это самолеты, построенные у нас, но летают полупустыми. Боятся на них летать. Экипажи неопытные, часто бьются.

Все сбылось, как говорил Марк. Передо мной извинились, что билетов на самолет нет. Я попросил поехать со мною в аэропорт. Там меня заверили в том же. Я спросил:

— А в Иркутск на китайский самолет билеты есть?

— Да, но он отлетает ночью и его ведет китайский экипаж.

— Согласны, оформляйте два билета.

Так мы все-таки покинули наших гостеприимных хозяев. Лететь действительно было страшновато. Безлунная ночь. То с одной, то с другой стороны появляются горные хребты. Самолет болтает, он проваливается в воздушные ямы. Единственное приятное впечатление осталось от китайских стюардесс. Невозмутимо спокойные, улыбающиеся, все время в плавных движениях среди пассажиров. Они внушали уверенность, что все будет хорошо.

И вот мы на аэродроме, берем такси и едем на железнодорожный вокзал. Садимся в поезд, который доставляет нас в Благовещенск. Наконец-то можно заняться делами экспедиции. Она уже приехала из Москвы и осваивала участки работы. Приехали и китайские участники экспедиции. Познакомились со своими советскими коллегами. Начались первые совместные советско-китайские геологические маршруты, первые споры у обнажений.

Долина Верхнего Амура — это уникальное место для учебной практики студентов и молодых специалистов. Здесь представлены почти все породы от древних до современных, осадочные, магматические, метаморфические, талые и вечномерзлые.

Прочность одного и того же типа скального грунта во многом определяется его структурно-минеральными особенностями и воздействием на него постгенетических процессов. Например, прочность гранитоидов небольшого участка долины Аргуни изменялась в широком пределе от 300 до 1120 кг/см². Разгнейсованные биотитовые граниты — 1050–1120 кг/см². Выветрелые граниты — 30 кг/см².

Несмотря на значительную прочность многих осадочных сцементированных пород в воздушно-сухом состоянии, например, песчаников — 1750 кг/см², прочность их в водонасыщенном состоянии снижалась до 1100 кг/см², а после 25 циклов замораживания и оттаивания среднее значение прочности равнялось 900 кг/см², т.е. была в два раза меньше, чем в воздушно-сухом состоянии.

Эти два примера показывают, что при выборе створа будущей плотины в таких сложных инженерно-геологических условиях, как долина Верхнего Амура, ни в коем случае нельзя было ограничиться общими представлениями о том, в каком массиве будет работать будущая плотина. Надо на первых же стадиях инженерно-геологических изысканий детально изучать все факторы, которые могут повлиять на работу сооружения. Отбирались нужные образцы и отправлялись в Москву на исследова-

ния. Выводы делались при сопоставлении полевых и лабораторных исследований.

При работах на Амуре мы отошли от существовавших в то время методик составления мелкомасштабных инженерно-геологических карт. Выделяя основные виды пород, мы вкладывали в этот термин скорее инженерно-геологический смысл, чем петрографический. Так, при подразделении кислых эффузивных пород в один подвид объединялись липариты, дациты и андезиты как породы, близкие по своим инженерно-геологическим особенностям. Исходя из этих же представлений, рассматривались вместе туфы и туфобрекчии. Было введено понятие «прочность массива пород». Это понятие позволило подразделить массивы пород по их прочностным показателям на пять групп и в некоторых случаях связать прочностные показатели массивов с формой речной долины и геологическими процессами, протекающими в долинах.

Например, резкое сужение долины Амура, высокие отвесные берега, сложенные породами черного цвета, которые рассекаются зеленовато-желтыми полосами шириной около двух метров, отсутствие «бичевника», вместо него крупные обвалы глыбы — все это являлось признаками того, что берега сложены базальтами.

Действительно, цветные полосы при детальном их рассмотрении оказывались тектоническими трещинами, минеральный состав которых после дробления изменился под влиянием химического выветривания до размера и состава глинистых минералов.

Свои характерные особенности имеют берега, сложенные гранитами, мраморами, аргиллитами и другими породами. И все эти особенности хорошо увязываются с геоморфологией берега, геологическими процессами и минерально-структурными особенностями пород. Поэтому Амурская экспедиция явилась богатым источником для курсовых и дипломных работ и кандидатских диссертаций как китайских, так и советских студентов и аспирантов. Больше того, Амурская экспедиция явилась школой для всех ее участников и для специалистов, работающих в том районе.

К весне 1959 года отчет о работах в 1958 году был настолько готов, что мы сами решили проявить инициативу и обратиться в Минвуз СССР с тем, чтобы нас пораньше послали в КНР и чтобы мы могли, не теряя времени, с начала сезона продолжить экспедиционные работы.

Хорошо помню свой разговор с одним из руководителей Минвуза СССР, курировавшего Московский университет.

— Хочу доложить вам, что отчет о полевых работах за 1958 год Амурской советско-китайской экспедиции готов, необходимые карты тоже. Хорошо бы все это отвезти в Пекин пораньше, чтобы иметь возможность начать полевые работы экспедиции тоже пораньше.

— А кто вам разрешит все материалы по геологии нашей государственной границы отвезти в другое государство!

— В прошлом году было ваше распоряжение по этому вопросу, так что, я думаю, и в этом году тоже — вы.

— Напрасно так думаете, в прошлом году была одна обстановка и для КНР было сделано исключение. В этом году обстановка меняется и на них распространяются общие правила. Вот и все.

— Тогда мы будем мотивировать тем, что надо провести углубленные исследования собранных нами образцов в лабораториях на приборах, которых нет в Китае, так

как не хотим, чтобы в последующем какие-нибудь эксперты упрекнули в недоработке отдельных вопросов. Но какой-то части китайских студентов придется выехать на полевые работы. Иначе у них не будет полноценных дипломных работ.

— Ну, раз надо, значит надо. Дипломные работы должны быть полноценными. — И мы перешли к обсуждению других вопросов.

Третий год работы Амурской экспедиции прошел спокойно. Собираясь на Амур, я, как всегда, взял с собой рыболовные снасти: лески, грузила, крючки. Но с рыбной ловлей не очень получалось. Больше всех трунила над нашими рыбацкими неудачами Галина Андреевна Голодковская. И однажды за ужином, пережевывая какие-то концентраты, произнесла речь, суть которой сводилась к тому, что пора бы и ушицы похлевать. И что она готова внести свой трудовой вклад в это дело. «Вот если Евгений Михайлович сам поймает больше двух килограммов рыбы, я готова всю ее вычистить сама. Впрочем, сколько будет, столько и вычищу. Но условие — рыба должна быть поймана лично Евгением Михайловичем, ну а доставлять ее в лагерь могут все желающие», — говорила Галина Андреевна. Все дружно посмеялись.

На следующий день ко мне подбегает моторист и шепчет на ухо: «Как раз над нами стоит домик бакенщика. От нас он не виден. А у него корова, навоза полно и в нем черви. Я уже спрашивал, можно ли накопать», — а хозяин говорит: «А на кой они мне, копайте сколько надо, я кроме тайменя на блесну никого не ловлю». И место сказал, где надо ловить. Выше нашего лагеря вода в гранитах бухточку высверлила, так он говорит, что там сомята стоят, невпроворот. Поедем, начальник?

— Поедем. Только никому не говори.

Предупредили дежурных, что к обеду-ужину мы можем не успеть, что ждать нас не надо, и уехали. Нашли бухточку, пристали к берегу. И началась рыбная ловля. У меня впечатление зацепа, и моторист тоже говорит: «Чего-то зацепило». Потом разобрались, что наши «зацепы» очень активные, тащат то в одну сторону, то в другую. Постепенно подтащили «зацепь» к себе. Они были такие, как надо — больше двух кило каждый. Оглушили, сняли с крючка, бросили в мешок.

Мимо нас возвращался один из отрядов. Выделяется атлетическая фигура студента-гидрогеолога Володи Семина. Попросили его помочь нам лески распутать. Втроем дело пошло быстрее, я забрасываю донку, подсекаю рыбу, вытягиваю на катер, а ребята укладывают по порядку леску, глушат рыбу, снимают ее с крючка и в мешок. Заполнили мешок, принялись за другой. Но стало уже темно. Пришлось заканчивать эту необычную рыбалку.

Вернулись мы в лагерь, когда ужин уже закончился. Но это не помешало нам положить рыбу к ногам Галины Андреевны с восклицанием: «Дорогая Галина Андреевна, пожалуйста, почистите!».

— Вы не могли столько поймать, вы купили у рыбаков.

Но свидетельские показания рассеяли сомнения. Полночи вся партия чистила и потрошила пойманную рыбу. Не успели прилечь — рассвет. Уху надо варить. В общем, то был единственный пир на Амуре, но зато какой!

Итогом Амурской экспедиции явилось инженерно-геологическое районирование долин рек Шилки, Аргуни и Верхнего Амура. Кроме того, были рассмотрены некоторые вопросы прогноза изменений инженерно-геологиче-

ских условий при гидротехническом строительстве. Все эти материалы находятся в фондах Гидропроекта.

В 1989 году в программе «Время» по телевидению прозвучало, что китайское правительство обратилось к советскому правительству с предложением продолжить изыскания и начать работы по строительству гидротехнических сооружений по Верхнему Амуру. В сообщении говорилось, что советское правительство положительно отнеслось к этому предложению. На следующий день раздается телефонный звонок из Гидропроекта. Нас просили снова приступить к этим работам, ведь все материалы вплоть до полевых книжек целы. Студенты и молодые специалисты, работавшие в Амурской экспедиции, стали зрелыми, опытными руководителями, большинство из них могут широко использовать международный опыт по своей тематике. К сожалению, эти работы не были напечатаны.

В 1962 году Издательство Московского университета выпустило в свет монографию «Геологическое строение и инженерно-геологическая характеристика долины Верхнего Амура» под редакцией Г.П. Леонова и Е.М. Сергеева. В ней впервые дана всесторонняя инженерно-геологическая характеристика долинам Верхнего Амура и низовьям Аргуни и Шилки протяженностью более 1000 км. Разработаны новые принципы инженерно-геологического районирования долин этих рек. Поставлены некоторые вопросы прогноза изменений инженерно-геологических условий при гидротехническом строительстве.

Все сказанное может облегчить проведение инженерно-геологических изысканий для гидротехнического строительства не только в долине Верхнего Амура, но и в других речных долинах, имеющих сходные инженерно-геологические условия.

Придет время, и потребности экологического народно-хозяйственного характера снова заставят обратиться к Московскому университету по «амурским» проблемам. А если участники экспедиции 1957–1959 гг. не смогут уже поехать в поле, то их материалы окажут большую помощь новому поколению геологов.

Глава 24. Многотомная монография «Инженерная геология СССР»

На кафедре грунтоведения и инженерной геологии МГУ и во многих других организациях, благодаря инженерно-геологическому изучению отдельных регионов, накопилось много материала по характеристике разных районов территории бывшего СССР.

И наш учитель, Иван Васильевич Попов, начал писать монографию «Инженерная геология СССР». Однако оказалось, что одному человеку это сделать невозможно. К тому же здоровье и возраст тоже осложняли его деятельность. Вышло несколько книг по Европейской части СССР и при работе над книгой «Урал» Иван Васильевич скончался. Жаль было потерять такого замечательного человека и своего учителя, и мы ему должны быть благодарны, что он правильно определил время, когда следовало приступить к такой большой и нужной работе.

Я как проректор университета подал рапорт министру геологии о необходимости написания многотомной монографии «Инженерная геология СССР», просил необходимые ассигнования для этого, предложил состав редколлегии и авторов отдельных томов. С небольшими изменениями

все это было утверждено приказом по Мингео СССР. Работа вышла на всесоюзный уровень. По этому вопросу в Мингео появился приказ министра геологии СССР за № 444 от 2 декабря 1970 года. Думаю, что будет лучше, если он будет опубликован полностью, без пересказа его содержания.

Приказ, конечно, хороший. Но нам хотелось привлечь к написанию монографии не только разных ученых, работающих в плане названия монографии. Редколлегия установила необходимость участия в написании монографии ученых, работающих в ОГПТН АН СССР и Московском университете имени М.В. Ломоносова, а также план самой монографии.

ПРИКАЗ Министра геологии СССР

№ 444

г. Москва «2» октября 1970 г.

О составлении монографии
«Инженерная геология СССР».

Учитывая все возрастающую потребность различных организаций в инженерно-геологических материалах для целей размещения объектов гражданского, промышленного и сельскохозяйственного строительства, а также рационального планирования инженерно-геологических исследований, проводящихся в больших масштабах на территории Советского Союза, и в соответствии с решением коллегии от 13 марта 1970 года

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Возложить на Второе гидрогеологическое управление составление совместно с министерствами и управлениями геологии союзных республик, научно-исследовательскими и учебными институтами 8-томной монографии «Инженерная геология СССР» общим объемом 250 п.л. завершением этой работы в 1975 году.
2. Утвердить состав главной редакционной коллегии монографии «Инженерная геология СССР» согласно приложению.
3. Главной редакционной коллегии (т. Сергееву) разработать и представить к 15 декабря 1970 года в Управление гидрогеологических и специальных работ проспект содержания и структуру монографии.
4. Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на Управление гидрогеологических и специальных работ (т. Даниловича).

А. Сидоренко

Приложение

к приказу Министра геологии СССР
от 2 октября 1970 г. № 444

СОСТАВ

редколлегии монографии «Инженерная геология СССР»

Сергеев Е.М. — проректор МГУ, доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР — главный редактор

Попов И.В. — профессор Московского государственного университета, доктор геолого-минералогических наук — заместитель главного редактора

Голодковская Г.А. — профессор МГУ, доктор геолого-минералогических наук — заместитель главного редактора

Чаповский Е.Г. — главный геолог Второго гидрогеологического управления, заместитель главного редактора — председатель рабочей комиссии редколлегии

Чуринов М.В. — руководитель отдела инженерной геологии ВСЕГИНГЕО, доктор геолого-минералогических наук — заместитель главного редактора

Антоненко К.И. — начальник Второго гидрогеологического управления

Бабинцев А.Е. — руководитель лаборатории Геологического института Академии наук Украинской ССР, член-корреспондент АН Украинской ССР, доктор геолого-минералогических наук

Бондарик Г.К. — руководитель отдела ВСЕГИНГЕО, доктор геолого-минералогических наук

Буачидзе И.М. — ректор Грузинского политехнического института, доктор геолого-минералогических наук

Данилович М.Я. — начальник Управления гидрогеологических и специальных работ Министерства геологии СССР

Дмитровский В.И. — главный гидрогеолог Гидрогеологического управления Министерства геологии Казахской ССР

Дроздов С.В. — декан факультета МГРИ, кандидат геолого-минералогических наук

Золотарев Г.С. — профессор МГУ, доктор геолого-минералогических наук

Коломенский Н.В. — заведующий кафедрой инженерной геологии МГРИ, доктор геолого-минералогических наук

Кудрявцев В.А. — заведующий кафедрой мерзлотоведения МГУ, доктор геолого-минералогических наук

Ломтадзе В.Д. — заведующий кафедрой инженерной геологии Ленинградского горного института, доктор геолого-минералогических наук

Диковская С.Л. — старший геолог тематической партии Второго гидрогеологического управления — ученый секретарь редколлегии

Начальник Управления гидрогеологических и специальных работ

М. Данилович

За три года было опубликовано 8 томов, в написании которых участвовал 301 автор.

1978 г., Том 1 — Русская платформа, под редакцией И.С. Комарова, коллектив авторов; 46,2 печ.листа.

1976 г., Том 2 — Западная Сибирь, под редакцией чл.-корр. АН СССР, Е.М. Сергеева, коллектив авторов; 43,4 печ.листа.

1977 г., Том 3 — Восточная Сибирь, под редакцией Г.А. Голодковской, коллектив авторов; 54,2 п.л.

1977 г., Том 4 — Дальний Восток, под редакцией Е.Г. Чаповского, коллектив авторов; 41,8 п.л.

1978 г., Том 5 — Алтай, Урал, под редакцией Е.В. Третьякова, И.В. Попова, Г.М. Терешкова, коллектив авторов; 33,6 п.л.

1977 г., Том 6 — Казахстан, под редакцией В.И. Дмитриевского, коллектив авторов; 22,9 п.л.

1978 г., Том 7 — Средняя Азия, под редакцией Х.Т. Туляганова, Р.П. Теуш, Н.Н. Ходжибаева, коллектив авторов; 30,8 п.л.

1978 г., Том 8 — Кавказ, Крым, Карпаты, под редакцией И.М. Буачидзе, К.И. Джанджгава, М.В. Чуринова, коллектив авторов; 32,2 п.л.

Научная общественность нашей страны и ученые других стран высоко оценили проделанную работу. Вскоре после выхода последнего тома монографии ко мне в кабинет, на кафедру, неожиданно зашли руководители инженерно-геологической службы США профессор Шустер и профессор Вайс. Говорят: «Извините, что мы зашли без предупреждения, но были в Грузии у Буачидзе и решили до отлета самолета навестить Вас». Отвечаю: «Очень рад; у нас хорошая столовая, пойдемте пообедаем». «Ни в коем случае, у нас всего полчаса времени. Скажите, а что это у Вас за интересные книги? А посмотреть их можно?» Отвечаю: «Конечно. Будем рады если американские ученые станут первыми читателями».

Гости быстро полистали книги и спрашивают: «Простите, а купить их у Вас можно?» Отвечаю: «Конечно, можно и купить, но Вы наши друзья, а я главный редактор монографии и в моем распоряжении есть несколько ее комплектов для подарка. Я прошу Вас принять это как подарок в знак дружбы между нами, советскими и американскими людьми».

— Вы это серьезно? И Вам не надо это нигде согласовывать?

— Нет, не надо.

— Большое спасибо. Но мы не можем их взять сейчас с собой. Вы не сумеете нам их выслать почтой?

— Сможем.

На этом мы и распрощались. Почта не подвела, и наши американские друзья получили все 8 томов. Через некоторое время мы получили от них хвалебный отзыв, в котором содержалась такая фраза: «Вы нам показали, в каком направлении должна развиваться инженерно-геологическая наука». Подписи и печати на официальном бланке. Это дало мне возможность приложить подлинник к документам, которые научная общественность нашей страны представила в правительство для присуждения Ленинской премии — в то время высшей награды за научную работу в нашей стране.

Среди геологических работ было немного, отмеченных Ленинской премией. В данном случае Комитет по Ленинским и государственным премиям СССР в 1982 году принял положительное решение, подтвердив тем самым, что работа превосходит мировые достижения в этой области. Персонально Ленинскую премию получили: Е.М. Сергеев, И.В. Попов (посмертно), М.В. Чуринов (ВСЕГИН-ГЕО), И.С. Комаров (МГРИ). Очень жалею, что круг персонально награжденных невелик. Но авторитет кафедры грунтоведения и инженерной геологии МГУ значительно вырос не только у нас в стране, но и за рубежом.

Глава 25.

Связи с зарубежными учеными.

МАИГ

В 1958 году не успел я приехать в Москву из Китая, как мне передали приглашение для чтения лекций в Польше в Варшавском университете.

На геологическом факультете был организован институт инженерной геологии и гидрогеологии во главе с про-

фессором Витольдом Ричардовичем Ковальским, который подобрал молодых, умных и энергичных специалистов.

В частности, к нам приехала на стажировку в Москву, в МГУ Алина Фальковска; ей предстояло на будущий год читать лекции по грунтоведению. От нее я услышал такой комплимент: «Когда мне сказали, что я должна читать лекции по грунтоведению, я прямо упала духом — такой скучный и сухой предмет. А слушаю Вас вместе со студентами и удивляюсь, как интересно и доходчиво Вы все рассказываете. Научите меня». Я ответил, что постараюсь, и после лекции, если было время, мы разбирали с ней различные варианты возможного построения уже прочитанной лекции. Не знаю верить или нет, но мне кажется, Фальковска была искренна, когда говорила, что теперь она не побоится выступать перед своими студентами, но только на польском языке.

Витольд Ковальский много внимания уделил мне во время моего пребывания в Варшаве, и мы договорились о совместных работах. В дальнейшем я был в Варшавском университете в 1957, 1979 гг. После того как у нас в МГУ побывал профессор Ковальский и выступил со своей лекцией перед студентами и сотрудниками нашей кафедры, завязались тесные контакты между Варшавским и Московским университетами по инженерно-геологическому изучению городов, дорог, разработке карьеров и других объектов в условиях Европы. Со стороны Варшавского университета в них принимали активное участие доцент Фальковска, старшие научные сотрудники Галина Лозинска и другие. От нашей кафедры активно включились в эти работы профессор Г.А. Голодковская, старшие научные сотрудники Г.М. Терешков, Л.В. Бахирева, Л.В. Шаумян и другие.

В 1974 г. я был избран почетным доктором наук Варшавского университета.

Еще раньше в 1962 году меня пригласили в ГДР, в автотдорожный Дрезденский институт, для чтения курса грунтоведения студентам-дорожникам. Я согласился, но оговорил срок своего пребывания — две недели. До Берлина доехал из Москвы поездом, а там меня встретили сотрудники Дрезденского автотдорожного института и представили мне мою переводчицу, уточнив, что сами лекции будет переводить их аспирант, приехавший к ним с Украины. Когда я посмотрел на свою переводчицу, то встретил буквально ненавидящий взгляд. Может быть, это и понятно, ведь после окончания войны прошло сравнительно немного лет. Но все время быть рядом с человеком, который тебя ненавидит, — это ужасно. Поэтому я поблагодарил своих хозяев за заботу (на плохом немецком языке), сказал, что хочу потренироваться сам в течение двух недель, и поэтому переводчик мне не нужен. Оскорбленная фрау удалилась, даже не считая нужным как-то отреагировать на мои слова. Ох, и тяжелые были эти две недели, тем более что мои хозяева поместили меня в доме для приезжих, находившемся за городом, где не было ни магазинов (хотя бы продуктовых), ни кафе, вообще ничего, кроме тускло освещенных кустов.

Единственное, за что я могу их поблагодарить, это за знакомство с профессором Фрицем Ройтером из Фрайбургской горной академии. Профессор Ф. Ройтер и его немецкие коллеги активно подключились к нашим советско-польским исследованиям. Вслед за ними выразили желание и, действительно, приняли активное участие в наших комплексных исследованиях Европы ученые Бол-

гании, Венгрии и Чехословакии. В Братиславском университете я выступил с удачной лекцией. И в 1972 году был избран почетным доктором Братиславского университета имени Каменского.

Согласованные между нашими странами макеты различных инженерно-геологических карт хотели издать в ГДР. Но, к сожалению, сделать это Фрицу Ройтеру не удалось. Почему? Для участников группы это осталось неизвестным. После этого я решил, что более эффективным сотрудничество может быть при чтении лекций в рамках Международной ассоциации инженеров-геологов (МАИГ).

Хочу рассказать о некоторых своих посещениях Парижа. Впервые я попал в Париж в 1961 году, когда там проходил очередной Международный конгресс по механике грунтов и фундаментостроению. Проводила его очень авторитетная организация, существующая под тем же названием. Желающих поехать на этот конгресс в Советском Союзе было очень много. Для многих тематика его была очень интересной и нужной для своей работы. Наверное, еще большее число ученых хотели совместить полезное с приятным: участвовать в конгрессе, познакомиться с Парижем и принять участие в одной из экскурсий по Франции. К их числу принадлежал и я.

До этого мне приходилось выступать с лекциями и докладами в Пекине, Варшаве, Осло, Копенгагене. Особенно мне понравился Копенгаген. Много зелени, парки с озерами. Разгуливают не только люди, но и ручные звери и птицы. Маленькая деталь — открываю окно в отведенном мне номере и рядом с ним пролетает стая уток. Первый раз в жизни тогда увидел в городе объект своих охотничьих подвигов и стало как-то не по себе. Много маленьких дешевых кафе и ресторанчиков. И наконец, знаменитая скульптура — русалка на море.

Но от Парижа я ждал еще больших впечатлений. Такой представительный международный конгресс, сам город, экскурсия по Франции...

Были сформированы две группы для поездки на конгресс и во Францию. Одна небольшая, человек 5–6 — официальная делегация, за которую деньги платили государственные организации. Вторая группа участников конгресса, человек 30–35 оформлялась «Интуристом» за личные деньги, которые вносили сами ученые в рублях и которые по курсу обменивались на франки, необходимые для оплаты вступительного взноса и на другие многочисленные расходы. Все было согласовано. Деньги переданы «Интуристу». И вдруг... Вмешался в этот вопрос всезнающий и нами всеми тогда управляющий Никита Сергеевич Хрущев.

Последовало его прямое указание: «Туристам на конгрессе делать нечего, вступительные взносы за них не платить, пусть занимаются туризмом». Ему объясняют, что «туристы» — это те же ученые, но они пошли на встречу своим организациям, у которых не хватает денег для заграничных командировок. Не знаю, что было сказано в ответ, но полетели мы с напутствием руководителей «Интуриста» немедленно обратиться к советскому послу в Париже. «Туристы» избрали для этого группу, человек 4–5. В нее входил и я. Мы немедленно отправились в наше посольство, которое тогда находилось на улице Грюнель. Посол нас принял, выслушал и сказал: «Но ведь это бессмысленно приехать на научный конгресс и не участвовать в нем. Тогда вообще не надо было приезжать. Идите на конгресс и предупредите, что вступительные взносы вы оплатите завтра. Завтра утром загляните еще

разочек ко мне. Сегодня я переговорю с Москвой, а завтра выдадим вам деньги». Вот так просто, оказывается, решался этот вопрос. Но это только казалось. На следующий день перед началом работы конгресса вся группа туристов была в посольстве. Ведь каждому надо было получить валюту и заплатить вступительный взнос. Посол принял только тех, кто был у него накануне. Куда девалось его благодушное настроение. Перед нами предстал новый и к тому же недовольный человек.

— Оказывается, все не так просто. Вравили вы меня в неприятную историю. Ничем помочь не могу. Ступайте на конгресс и попробуйте побыть там в качестве гостей без уплаты членских взносов.

Это указание мы выполнили. Но когда пришли в ЮНЕСКО (а именно там проходил конгресс), мы увидели в регистратуре пустые полки и на них сиротливую горку папок с приколотыми к ним значками членов конгресса. Сразу поняли, что эти папки и значки ждут нас.

Организаторам конгресса все стало ясно и без наших объяснений. Дежурные сотрудники ЮНЕСКО подходили к нам с вопросом: «Что Вы тут делаете, мсье?» Почти все отвечали однотипно: «Пришли встретиться со своими коллегами, узнав, что они приехали на конгресс (а наши официальные делегаты, получив свои папки и значки, конечно, отправились на заседание конгресса)». На это нам отвечали: «Я надеюсь мсье, что вы уже встретились и теперь можете покинуть помещение, где проходит конгресс». Нас просто выгнали.

Не помню, кто, но кто-то бросил фразу, облетевшую всех туристов: «Ну и черт с ним, с конгрессом. За все заплачено, кроме вступительных взносов. Значит можно сейчас идти и знакомиться с Парижем, что ни делается — все к лучшему». Настроение изменилось, послышались шутки и смех. И отдельными группками, по признаку личного знакомства и симпатий отправились смотреть Париж. Тот самый Париж, который так манил нас к себе в Москве.

В отеле я жил в одной комнате с Николаем Васильевичем Коломенским. Естественно, что мы пошли вместе. К нам присоединились Иван Васильевич Попов, Анатолий Константинович Ларионов и еще два-три человека. Впервые, мы ходили по улицам Парижа, по Большим бульварам, побывали на Елисейских полях, везде, где нам казалось интересно. Во-вторых, побывали во многих музеях. Конечно, в первую очередь в Лувре и музее импрессионистов. Но больше всего мне понравился небольшой музей Родена. В Париже мне пришлось еще побывать девять раз. И каждый раз, независимо от сроков командировки, я считал своим приятным долгом посетить этот музей, постоять и полюбоваться его скульптурами. В конце концов мы должны были бы благодарить Хрущева, что вместо утомительных докладов, мы наслаждались Парижем. А дальше закончился конгресс и начались экскурсии. Я выбрал для себя экскурсию по югу Франции — Ницца, Монте-Карло, Канны, и на запад, поближе к Испании, где на фермах французы выращивали черных бычков для испанских корридов.

В Каннах в ресторанчике мы познакомились с художником Пикассо. Он уже был в преклонных годах и большого впечатления, честно говоря, на меня не произвел. Сам он очень заинтересовался туркменской тубетейкой, которая была надета на Николае Николаевиче Маслове. Тот объяснил Пикассо значения стилизации узоров на тубе-

бетейке и просил принять ее в дар на память о встрече. Пикассо попросил у Маслова визитную карточку и обещал выслать ему один из своих рисунков. Все поздравляли Николая Николаевича и напрасно. Ничего Пикассо ему не прислал.

В 1970 году Министерство иностранных дел Франции пригласило меня вместе с супругой на месяц во Францию для чтения лекций по своей специальности. На аэродроме Орли нас встретила молодая мадам, которая отрекомендовалась: «Марина Михайловна Голицина — ваша помощница; я и переводчица, и шофер, и секретарь. Если у Вас возникнут вопросы, пожалуйста, обращайтесь ко мне. А сейчас мы поедem в отдел культуры МИДа Франции».

Заведующая этим бюро оказалась женщиной очень вежливой, приветливой и деловой. Произошел следующий разговор:

— Мы пригласили Вас во Францию на месяц. Сможете ли Вы пробыть все это время?

— К сожалению, смогу пробыть только две недели. Исходя из этого, прошу оформить наши авиабилеты.

— Значит, мы выдаем Вам на руки половину месячной зарплаты нашего профессора.

Звонок по телефону, и через десять минут деньги я получил, расписавшись в ведомости.

— Отель для Вас уже заказан, и расчеты за него мы будем проводить сами. Он находится напротив Лувра, по другую сторону Сены; рядом мост через Сену. Надеемся, он Вам понравится. Есть у Вас ко мне вопросы?

— Спасибо. Все ясно.

— Когда и где будут Ваши лекции, Вы договоритесь со своими коллегами. Марина Михайловна, вот Вам ключ от машины, которая стоит у подъезда. До свидания.

Мы распрощались. Невольно подумалось, вот если бы так же четко и организованно мы встречали своих гостей. От кого это зависит? К сожалению, сейчас это стало еще менее доступно, чем было раньше. Да и раньше дело было поставлено тоже не очень хорошо.

В Париже у меня были два друга или, вернее, две дружеские семьи: семья проф. Арну и семья Линниковых. С профессором Арну мне настоятельно рекомендовал познакомиться А.А. Богданов, узнав, что я еду в Париж. Профессор Арну был одним из инициаторов создания МАИГ, долгое время был его президентом. Он работал в Высшей Горной школе Франции. Основная лаборатория проф. М. Арну размещалась в корпусе, построенном рядом с Люксембургским парком. Совсем еще молодой профессор приветливо нас встретил и стал показывать свои работы и исследования, над которыми работали его сотрудники. В то время профессор М. Арну был увлечен составлением карт «геологического риска» с помощью ЭВМ и получением прочных облицовочных и других поделочных искусственных камней путем соответствующей их обработки. Оба эти направления у нас отсутствовали или, точнее сказать, находились в зачаточном состоянии. Я пригласил профессора М. Арну приехать в Московский университет для чтения лекций сотрудникам и студентам нашей кафедры и попросил принять к себе в лабораторию на стажировку сотрудника нашей кафедры, Е.Н. Коломенского, знающего французский язык. Оба предложения были приняты. Профессор Марсель Арну познакомил нас со своей семьей. Оказалось, что мадам Арну имеет четырех сыновей и несмотря на это учится на курсах русского языка, потому что ей нравится русская музыка и

русские песни. Встретила она нас как своих старых знакомых. Хорошие отношения между нашими семьями продолжались долгое время. Арну часто приезжал в Москву со своей супругой, и мы в их честь каждый раз устраивали небольшой прием у себя дома. А когда мы бывали в Париже, то Арну всегда приглашал к себе домой, независимо от того, с кем бы я не приехал.

Вторая французская семья — семья Линниковых была небольшой, всего три человека. Николай Яковлевич Линников приехал с родителями во Францию вместе с белыми, во время гражданской войны в России, будучи гимназистом. Отец Николая Яковлевича был начальником железнодорожного вокзала в одном из крупных городов Украины. Старший брат в это время учился в медицинском институте в другом городе. Он остался в Советском Союзе, воевал с немцами во время Отечественной войны (был военным врачом), продолжал служить в Советской армии в звании подполковника, жил в Белоруссии. Они переписываются и мечтают встретиться. Встреча эта состоялась позднее, когда Николай Яковлевич приезжал в Советский Союз. Во Франции довольно много русских, будучи студентами, выбирали себе геологическую специальность, на нее было легче поступить, чем на многие другие. Геология отпугивала французских студентов: может быть, придется всю жизнь провести вне Франции, в диких не обжитых французских колониях! У русских эмигрантов такого чувства не было. Студент Николай Линников стал специализироваться по изысканиям под строительство различных плотин. К моменту нашей встречи он был известен как крупнейший специалист в мире по проблемам, возникающим при строительстве плотин, консультировал во многих странах мира. Позднее Николай Яковлевич прочел лекцию и у нас на Геологическом факультете МГУ, демонстрировал слайды, переносившие нас с одного континента Земли на другой.

Его жена, Евгения Ивановна, попала во Францию в 1920-х годах пятилетней девочкой. Привезли ее родители из Казахстана; там она родилась в г. Петропавловске. Евгения Ивановна говорила по-русски уже с некоторым акцентом. Это и не удивительно. Во-первых, с 5 лет она росла и жила среди французов. Во-вторых, когда родился Сережа, то родители решили не говорить ему, что он русский, и в его присутствии говорили только по-французски. На мой вопрос: «Почему так решили?» ответили, что французские ребята плохо относились к детям русских эмигрантов, дразнили их, и они хотели от всех этих неприятностей избавить своего сына. Сережа, будучи уже взрослым мальчиком, узнал, что он не француз, а русский, и стал учить русский язык. Не помню, да я и не спрашивал, при каких обстоятельствах он вступил во французскую коммунистическую партию, но он там не просто числился, а вел активную работу. В моих архивах, наверное, сохранилась открытка с видом на поселок Шавиль, на которой надпись: «профессору Сергееву от коммунистов поселка Шавиль». Около десяти подписей, а секретарем этой маленькой организации был Сергей Линников. Когда в Париж приезжал Л.И. Брежнев, его поездка по городу транслировалась по телевидению. И вдруг мы видим, что берут интервью у Сережи Линникова. Последний вопрос к нему был такой: «Где Вы так хорошо научились говорить по-русски?» На что последовал ответ: «Здесь, в Париже». И это была правда. В результате своей политической деятельности Сережа попал в «чер-

ный список» и по окончании университета его нигде не брали на работу. С трудом Николаю Яковлевичу удалось устроить его на гидрогеологические изыскания в Канаду. Туда он уехал с женой, и по словам родителей, прекратил всякую политическую деятельность, чему способствовали очень трудные условия работы. Не знаю, как сложилась дальнейшая жизнь Николая Яковлевича Линникова. Думаю, что при нашем первом знакомстве ему было уже «в районе 60 годков». А ведь это было в 1966 году; прошло не меньше 25 лет — четверть века. Знаю, что он вышел на пенсию, а Евгения Ивановна, наоборот, стала работать. Она поступила на должность администратора одной из французских туристических компаний. И в связи с этим несколько раз приезжала с туристами в Москву. Бывала у нас дома, и мы с женой принимали ее приглашение поужинать в ресторане, где она останавливалась со своими туристами.

У Линниковых я познакомился с очень известным ученым — геологом широкого профиля профессором Н.Н. Меньшиковым. Он носил розетку ордена Почетного легиона, которым был удостоен за открытие нефтяных месторождений в Северной Африке, когда французам очень нужно было горючее для боевых операций против немецко-фашистских войск. Профессор Меньшиков производил хорошее впечатление знающего, культурного и очень интеллигентного человека. Недаром в Москве, перед поездкой во Францию, Алексей Алексеевич Богданов говорил мне: «Обязательно познакомьтесь с Меньшиковым — жалеть не будете, а спасибо мне скажете». Это действительно так.

С Арну и Линниковым мы обсудили, сколько и какие лекции я должен прочитать во Франции. Решили — три, две в Париже и одну в Орлеане, где расположен геологический центр Франции. Во всех трех случаях народу было не очень много, но это были люди, которые мне задавали кучу вопросов.

Интересной была поездка в Орлеан. Не могу на ней не остановиться. Машина «летит» в Орлеан на огромной скорости. Марина Михайловна за рулем, я рядом с ней. Спрашиваю: «Марина Михайловна, Ваша фамилия Голицына, Вы княгиня Голицына или просто Голицына?» Она отвечает: «Просто Голицына», — и, помолчав, добавляет: — «Но мой муж — князь Голицын». — «Тогда Вы тоже княгиня Голицына». — «Да, но это так было по законам Российской империи, а ее давно уже нет». — «Вы на меня не обижайтесь, просто мне хотелось узнать, а то меня спросят друзья в Москве, кто у Вас был переводчиком, и как только я назову Вашу фамилию, тут же последует вопрос, на который надо дать ответ».

После лекции в Орлеане, на которой слушателей было даже больше, чем в Париже, хозяева предложили посмотреть их информационный центр. Спросили: «Хотите узнать о своих работах?» Отвечаю: «Буду рад». Через десять минут машина стала называть мои публикации, их оказалось много, но самое интересное, что среди них была моя лекция, которую я прочитал в Хельсинки для студентов университета, и рукопись которой была опубликована в журнале, где тематика была близкой к инженерной геологии. О публикации этой лекции я ничего не знал. По-видимому, организаторы семинара забыли спросить мое согласие. Я не обиделся, а просто посмеялся. Я записал название лекции и все другие координаты, и потерял эту записку.

Прошла неделя нашего пребывания в Париже. Мы освоились настолько, что решили сами без Марины Михайловны, организовать свое питание. Завтрак нам давали в отеле; он входил в стоимость номера. Проблема ужина решалась просто. Можно было зайти в соседний магазин и купить там любое количество продуктов (я имею в виду и 100 г, и больше). Что мы и делали. Ужины у нас были очень хорошие, т.е. мы обслуживали себя сами. Вскипятим, например, чай или выпьем молоко с вкусными бутербродами. А с обедом, первый раз получилась «осечка». Мы зашли в ближайший ресторан, не обратив внимания на то, сколько звездочек на вывеске с его названием. Народу было мало. Выбрали себе столик. Тут же подошел к нам официант с хорошо оформленным меню. Я стал его просматривать. Не зная французского языка, надеялся, что попадутся названия блюд, имеющие международный характер. Остановились на трех названиях: бифштекс, торт, кофе. Подошел гарсон. Спрашиваю его: «Говорите по-русски или по-немецки?» Отвечает: «Нет, мсье, только французский». Называю, что мы хотели бы получить. Он кивает головой и что-то спрашивает меня по-французски. Я не понял, о чем идет речь, но подтвердил, сказав «Уи (да)». Через некоторое время приносит нам два отличных бифштекса с хорошим гарниром и хлеб. По-видимому, пожелал нам хорошего аппетита и ушел.

Мы приступили к своим бифштексам, но только дотронулись до них ножами, как убедились, что перед нами сырое, слегка обжаренное мясо. По-видимому, гарсон меня спрашивал: «Хотите Вы кровавые бифштексы?». И я, не зная французского языка, легкомысленно ответил: «Да». Что заказали, то и получили. Шура говорит: «Я сырое мясо есть не буду». Я отвечаю: «Забирай мой гарнир, а мне давай свой кусок. Если французы едят, значит можно есть и нам — русским геологам. В экспедиции мы бы съели, не раздумывая». Так неудачно началось наше самостоятельное питание. Неудачное, еще и потому, что пришлось за такой обед заплатить 100 франков.

Потом мы нашли маленький ресторанчик недалеко от отеля и обедали в нем вместе с французскими рабочими-строителями, которые охотно вступали с нами в контакт; помог один из них, знавший немного немецкий язык. Обед там стоил всего 20 франков. Это дало возможность сэкономить и привезти из Франции для своих родных несколько сувениров.

Пишу я эти воспоминания о пребывании в Париже и невольно посматриваю на стену нашей комнаты, где висит портрет Александры Михайловны, сделанный карандашом одним из художников во время посещения бульвара Монмартр. Могу засвидетельствовать, что художник ни разу не поправил того, что было им уже сделано. Портрет немного мрачноват, но любой сразу же узнает мою супругу, какой она была почти четверть века тому назад...

Последующие посещения Парижа были связаны с деятельностью МАИГ. МАИГ — международная ассоциация инженеров-геологов — была создана по инициативе ученых, работающих в этом направлении во Франции, Израиле, Чехословакии, Англии и ФРГ на одном из Международных геологических конгрессов, проходившем в Индии. Думаю, что это был 1965 год. Первая генеральная конференция МАИГ проходила в 1968 году в Праге. На ней присутствовала и советская делегация. Я быть там не мог, так как находился в Австралии и как проректор МГУ вел переговоры об укреплении зародившегося сотрудничества между МГУ и Национальным университетом Австралии.

Делегаты конференции были в смятении, когда узнали, что в Прагу вошли советские танки. Эта никчемная «затея» тогдашних руководителей Политбюро потрясла многих людей, и в данном случае даже пришлось «свертывать» работу конференции. Но все же успели принять ряд решений. Президентом МАИГ был избран профессор Заруба, известный ученый из Чехословакии, написавший одну из первых книг по инженерной геологии, вице-президентами — руководители национальных ассоциаций по инженерной геологии и в том числе по предложению советской делегации проректор МГУ профессор Е.М. Сергеев, генеральным секретарем МАИГ — профессор М. Арну. Местонахождение «штаба ассоциации» — Париж. Там живет и работает генеральный секретарь Арну, там же находится и штаб-квартира ЮНЕСКО, к которому собравшиеся обратились с просьбой помочь в организации вновь создаваемой и очень нужной для самого ЮНЕСКО международной ассоциации.

Избрание М. Арну оказалось очень удачным. Он организовал регулярный бюллетень МАИГ, в разных странах с его участием проходили различные конференции, международные симпозиумы по инженерной геологии.

В дальнейшем Арну сменил Зарубу на посту президента МАИГ и в знак его заслуг был избран ее почетным президентом, в должности президента ассоциации оказался я, а генеральным секретарем был избран ученый из ФРГ, доктор Вольтерс, оказавшийся также инвалидом Второй Мировой войны. Его уже нет в живых, и хочется помянуть его добрым словом. Всю его деятельность в МАИГ можно охарактеризовать несколькими словами: продуктивная и очень инициативная деятельность, тщательная исполнительность и доброжелательное отношение к людям. Да, была жестокая война (слава Богу, что Вольтерс воевал, был ранен и контужен в Югославии, а не у нас на фронте). Она закончилась, и мы оба заняты мирным делом — развитием науки для надежного возведения инженерных сооружений, где бы они не строились; независимо от политики они строятся для людей, для человечества. Вот из этого мы оба исходили в самый разгар «холодной войны».

В 1972–1978 гг. я был вице-президентом МАИГ, а в 1978 году был избран президентом МАИГ на конгрессе, проходившем в Мадриде. Одним из первых моих мероприятий было проведение в Советском Союзе международного симпозиума по морской инженерной геологии. Проходил он в Грузии. Председателем оргкомитета был Иосиф Моисеевич Буачидзе — директор научного центра по гидрогеологии и инженерной геологии Грузинской АН. Два дня заседали в Тбилиси, а затем переехали машинами в Сухуми; по дороге осматривали Грузинские ГЭС. В Сухуми грузинские коллеги ознакомили нас со своими работами по экспериментальным исследованиям изменения морского шельфа под влиянием деятельности человека. Была однодневная экскурсия в Батуми.

Разве могли тогда подумать участники семинара, что в Грузии может вспыхнуть гражданская война, которая проходит сейчас, безжалостно и бессмысленно разрушая все созданное самими грузинами и абхазцами за долгие годы совместной жизни? Трудно и больно смотреть информацию об этом по телевизору...

В 1982 году заканчивался срок моего пребывания на посту президента МАИГ. На очередной генеральной конференции в Нью-Дели (Индия) президентом МАИГ был избран профессор М. Лангер, работавший в одном из институтов Ганновера (ФРГ). До этого много лет он был казначеем МАИГ и хорошо знал работу ассоциации. Неоднократно приезжал в Москву, с лекциями в МГУ и по другим вопросам. Между нами были очень хорошие дружеские отношения.

Решением совета МАИГ я был награжден медалью Ганса Клооса за выдающиеся заслуги в области инженерной геологии и развитие международного научного сотрудничества. Один из моих учеников из Болгарии Кирил Ангелов, был удостоен премии МАИГ, впервые установленной для молодых ученых. Это произошло уже позднее.

Но думаю, что еще большее значение имела моя деятельность в другой международной ассоциации — МАУ. 🌐

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ

«ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ»,
«ИНЖЕНЕРНАЯ ГЕОЛОГИЯ»,
«ГЕОТЕХНИКА» И «ГЕОРИСК»

www.geomark.ru